

представить этнографическое изучение любого народа как в настоящем, так и в исторически обозримом прошлом. Эта работа требует четкой организации, взаимодействия со многими смежными научными дисциплинами.

Координация исторического изучения пищи и питания народов Европы была посвящена международная конференция «Историческое изучение питания в Европе, проблемы и развитие до начала нового времени», проведенная 16—19 мая 1989 г. в г. Мюнстере (ФРГ) на базе Исторического семинара проф. Г. Ю. Тойтеберга (Кафедра социальной и хозяйственной истории нового и новейшего времени Вестфальского университета, Мюнстер).

В работе конференции участвовали 18 ученых из Англии, Австрии, Бельгии, Венгрии, ГДР, Ирландии, Нидерландов, Польши, СССР, Чехословакии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Швеции. Председателем конференции был ее организатор проф. Г. Ю. Тойтеберг.

По замыслу организатора, каждая страна должна была представить на конференцию обстоятельный доклад об истории и современном состоянии изучения народного питания в ней. Поэтому и регламент докладов — полтора часа — был необычным, в несколько раз превышал общепринятый на международных конференциях.

Большинство докладов соответствовало теме конференции и было посвящено исследованию народного питания в Англии, Ирландии, Нидерландах, Бельгии, Германии (историч.), ГДР, Швейцарии, Венгрии, СССР (русские, украинцы и белорусы). Однако некоторые докладчики избрали отдельные стороны проблемы: Л. Гульен (Дублин) остановился на сравнительных аспектах питания ирландцев, А. Хартог (Вагенинген) — на современных проблемах питания и современной истории Нидерландов, Е. Берлозиус (Париж) рассмотрела историю питания как часть материальной культуры, Р. Зандгрунбер (Линц) выступил с докладом «Между этнографией и историей хозяйства», А. Вышанский (Варшава) — с докладом «Попытки методологического исследования питания в Польше», Л. Петрянова (Прага) «Возможности питания в Богемии в XVI—XVIII вв.», М. Эссемир (Упсала) — с докладом «Два аспекта питания в Швеции в XVIII—XIX вв.». После обсуждения докладов состоялась дискуссия по общим вопросам изучения питания в Европе.

Участники конференции приняли заключительный протокол, констатирующий целесообразность организации Комиссии по изучению истории питания в Европе. Тем же протоколом зафиксирован состав предварительного Исполнительного комитета для координации работ по этой проблеме под председательством проф. Г. Ю. Тойтеберга. В комитет вошли М. Эссемир (Швеция), Э. Кишбан (Венгрия), Д. Одди (Англия), М. Шерер (Швейцария), П. Шолье (Бельгия), Р. Вайнхольд (ГДР), А. Вышанский (Польша). Кроме того, был создан институт корреспондентов, в который вошли представители 14 стран: П. Шолье, Л. Радева (Болгария), Г. Тойтеберг (ФРГ), Р. Вайнхольд, Д. Барнетт (Англия), Л. Гульен (Ирландия), А. Хартог (Нидерланды), Р. Зандгрубер (Австрия), А. Вышанский, М. Шерер, М. Эссемир, Л. Петрянова (Чехословакия), М. Г. Рабинович (СССР), Э. Кишбан. В дальнейшем предполагается увеличить число таких корреспондентов и образовать комиссии (из двух-трех членов каждая) для библиографической работы, связи и публикаций, планирования будущих конференций. Организационным центром, где будет находиться секретариат, является Мюнстер. Рабочие языки — английский, немецкий и французский.

Конференции комиссии будут проводиться раз в 2 года. Следующая конференция намечена на 1991 г. (Оксфорд) по теме «Государственная и коммунальная политика в области продуктов и питания». Предполагается, что на ней будут рассмотрены проблемы дороговизны, налогов, надзора за качеством продуктов, рационарования питания, питания в экстремальных условиях (голод, война и пр.), организации питания тех или иных социальных групп, борьба с алкоголизмом и т. п. Предполагается также провести конференции в Швеции (1993), Нидерландах (1995), США (1997), Швейцарии (1999). Комиссия приняла предложение Института этнографии АН СССР провести одну из конференций в СССР.

М. Г. Рабинович

© 1990 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В СССР И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ»

14—15 сентября 1989 г. в Уфе состоялась конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах», организованная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Институтом истории, языка и литературы Башкирского научного центра (далее — БНЦ) УрО АН СССР.

На конференции всесторонне обсуждались теоретические проблемы, связанные с генезисом,

историческим развитием и современным функционированием подразделений этноса. В центре дискуссии были следующие вопросы: типология подразделений этноса, этнографические и этнические группы в процессах этногенеза, изменение статуса подразделений этноса под воздействием естественно-исторических, социально исторических и культурных факторов, взаимосвязь этнического самосознания с процессами культурно-языкового развития подразделений этноса и др.

В работе конференции приняли участие 52 ученых из 20 городов страны. На четырех пленарных заседаниях было заслушано 35 докладов и сообщений.

Во вступительном слове директор Института истории, языка и литературы БНЦ УрО АН СССР З. Г. Ураксин (Уфа) охарактеризовал состояние межнациональных проблем, возникающих в республике, рассказал о работе ученых института по данным проблемам.

Р. Г. Кузеев (Уфа), определяя задачи конференции, подчеркнул необходимость накопления новых знаний о национальных процессах в СССР, о каждом народе и этнической группе, об общих тенденциях и своеобразии в развитии этносов и их подразделений. Он остановился также на нерешенных проблемах подготовки кадров этнографов.

В совместном докладе Р. Г. Кузеева и В. Я. Бабенко (Уфа) «Этнические и этнографические группы в СССР» было предложено свести все многообразие этнических общностей к двум основным, базовым типам подразделений этноса — этническим и этнографическим группам. Различия между ними, по мнению авторов доклада, сводятся к характеру расселения, наличию или отсутствию этнического самосознания, особенностям формирования, специфике этнической истории и культуры. Под этнографическими группами, считают они, следует понимать такие общности, которые сложились в пределах своей этнической территории; под этническими — части этноса, оказавшиеся в силу различных причин в отрыве от этнического ядра. Соответственно этнографические группы остаются органической частью ЭСО и участвуют в ее консолидации. Этническая же группа, потеряв постоянные связи с этническим ядром, может изменить направление своего развития и, пройдя ряд этапов этноэволюционного и этнотрансформационного характера (консолидация, адаптация, интеграция, аккультурация, ассимиляция), прекратить свое существование, растворившись в иноэтнической среде, или, наоборот — приобрести тенденцию, как теппари, к образованию самостоятельного этноса. Процесс этот может развиваться как естественно, так и под влиянием различных факторов, стимулирующих или тормозящих его. В докладе подчеркивалось, что этническое взаимодействие различных народов происходит, как правило, не на уровне этноса в целом, а в его подразделениях.

В докладе Н. А. Берковича (Ленинград) «Этническая группа как предмет социально-философского объяснения» была предпринята попытка социально-философского подхода к проблемам исследования этнических групп как одного из типов этнических общностей. Исходя из особенностей исторического развития этнических общностей, докладчик выделил три подхода в изучении этноса: формационный, эпохальный, всемирно-исторический.

А. М. Решетов (Ленинград) в докладе «Этнос и его подразделения (к проблеме гетерогенности этноса)» (зачитан В. Я. Бабенко) обратил внимание на недостаточную разработанность общепринятых критериев выделения этноса как основной единицы этнических общностей, что сказывается при рассмотрении этнических общностей более низкого таксономического порядка. А. М. Решетов считает, что гетерогенность этноса является его перманентной чертой, и выделяет два подразделения внутри него: этнографическую и этническую группы. Эти группы характеризуются локальными особенностями культуры этноса, являясь его территориально-культурными подразделениями.

О. В. Котов (Сыктывкар), подчеркнув настоятельную необходимость теоретического и практического изучения подразделений этноса, отметил, что положение в области методологии и методики их изучения остается неудовлетворительным. Нет ясности в терминологическом, понятийном аппарате, что затрудняет объединение усилий этнографов, сопоставление результатов их исследований. Докладчик попытался дать классификацию, основными единицами которой являются материнский этнос, дисперсия, диаспора, а также предложил ввести понятие «ожидаемый этнос».

Доклад Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина (Казань) «Русское население Поволжья и Приуралья и его роль в этнических и культурно-бытовых процессах народов Волго-Уральского региона» был посвящен проблемам этнокультурного взаимодействия русских с другими народами региона. В нем были также затронуты вопросы о состоянии этнографической науки в СССР и ее задачах, о несовершенстве терминов «коренные народы», «народность», «нация», а также о государственном языке и языке межнационального общения.

Д. М. Исхаков (Казань) проанализировал различные взгляды на понятие «культурно-национальная автономия» в публицистике и наметил практические пути ее реализации. Докладчик поставил вопрос о необходимости создания национальных землячеств, объединенных в союзы, во главе с советами землячеств, которые могли бы стать частью Верховных Советов республик.

В докладе И. С. Гурвича (Москва) основное внимание было уделено соотношению этнических общностей (народов) и субэтнических образований на Чукотке и Камчатке. Докладчик отметил, что на современном этапе усилилось внутреннее сплочение северных народностей, преодолеваются племенные различия, постепенно изживаются локальные формы самосознания; племенные, локальные и этнографические группы становятся субэтносами, однако этот процесс еще далек от завершения.

Т. П. Федянович (Москва) в докладе «Семья — фактор устойчивости или размывания этнической группы» на конкретных материалах показала, насколько неоднозначна роль семьи и семейно-родственных связей в трансмиссии этнокультурной традиции в условиях контакта этниче-

ской группы с иноэтничным окружением. Она считает, что реализация семей функции передачи молодым поколениям социально-культурных ценностей, традиций, этнических свойств обусловлена такими факторами, как величина этнической группы, мера дисперсности ее расселения, степень этнокультурной близости, давность контактов с иноэтничным окружением и др.

Э. Ф. Ишбердин (Уфа) основное внимание уделил вопросам языковой и культурной консолидации башкир, проживающих за пределами Башкирской АССР (далее — БАССР), а также «башкиризмам» разговорного языка северо-западных башкир, использующих сегодня татарский язык. По мнению докладчика, отдельные этнографические группы башкир в языковом и культурном отношении еще недостаточно консолидировались в единую общность. В преодолении их разобщенности большую роль призвана сыграть целенаправленная деятельность официальных органов и общественных организаций Башкирской АССР.

В докладе М. Н. Губогло и М. Н. Новикова (Москва) рассматривалась сущность понятия «гуманизм» применительно к сфере межнациональных отношений, к судьбам национальных меньшинств в СССР. Были подчеркнуты противоречия, возникшие между лозунгом гуманизма, провозглашаемым КПСС, и практической политикой по национальному вопросу. Создание основы гарантированного подлинного равноправия не только личности, но и народов, национальных групп и меньшинств, выработка такой государственной национальной политики, которая бы исключала всякую возможность возникновения новой социальной несправедливости в сфере национальной жизни, являются первостепенными задачами, определяющими содержание гуманизма в сфере межнациональных отношений в нашей стране на современном этапе.

Доклад Л. Ф. Моногаровой (Москва) «Об этнической принадлежности населения Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР» был посвящен анализу этнических процессов, протекающих у памирских народов. Рассматривая проблему эволюции самосознания и соответственно самоназвания в условиях ассимиляции памирцев таджиками, она пришла к выводу, что конечной стадией процесса ассимиляции является следующий за переменной этнонационального самосознания этап, когда этнос (народ), с которым ассимилируется другой, меньший по численности этнос, перестает выделять последний особым названием.

Г. Ш. Гоциридзе (Тбилиси) охарактеризовал традиционные формы быта и культуры этнической группы грузин, предки которых в XVI в. были насильственно переселены в Иран. Путем размежевания грузинских и иранских элементов культуры докладчик смог выявить их общие и отличительные черты. В докладе была сделана попытка провести и некоторые другие этнографические параллели из истории ирано-грузинских культурных взаимоотношений.

Н. Х. Максютова (Уфа) рассказала о функционировании говоров башкирского языка за пределами БАССР. В условиях изолированного развития и влияния других языков все говоры башкирского языка, находящиеся в иноязычном окружении, подвергаются структурным изменениям. Вызывает определенную тревогу и то обстоятельство, что башкирский язык постепенно перестает быть средством общения не только в сфере общественной жизни, но и в семье.

Р. Н. Дугаров (Улан-Удэ) попытался проследить историю формирования бурятского рода «онходоевский», который возник в результате консолидации немногочисленных онгутских групп, проникших в среду бурят в период распада и ослабления Монгольского государства.

И. А. Заатов (Симферополь) рассказал о современном положении крымских татар и их национальном движении: его истории, целях, задачах и формах организации. Докладчик коснулся также вопроса о воссоздании крымско-татарской национальной автономии.

Н. Г. Деметр (Москва) остановилась на истории формирования цыганского населения Москвы и современных этнокультурных процессах, происходящих в его среде. Она подчеркнула, что в настоящее время в столице представлены практически все этнографические группы цыган СССР. Дисперсное расселение их в современной Москве является причиной частичной утраты цыганами элементов национальной культуры и языка.

Р. Р. Галлямов и М. Д. Киекбаев (Уфа) в сообщении «Проблемы изучения этнических процессов в городах» обратили внимание на необходимость создания комплексной долговременной программы оптимизации межнациональных отношений в условиях города. На современном этапе развития, отмечалось в нем, встала проблема формирования «механизма» управления различными сторонами социально-экономической и культурно-бытовой сферы жизни горожан. В качестве конкретных мер была предложена следующая система мероприятий: регулирование социально-классового и профессионального состава каждого из национальных компонентов городской общности; создание условий для полного национально-культурного самовыражения каждой этнической группы; формирование специальной политики партийно-государственных органов в отношении самостоятельных национальных движений.

С. Ф. Миржанова (Уфа) рассмотрела ситуацию в северо-западных районах БАССР — наиболее сложной в этноязыковом отношении зоне, так как здесь в продолжение нескольких столетий в тесном контакте с башкирами проживает значительное число татар, русских, марийцев и удмуртов. Разговорный язык башкир, татар и тейтярей, живущих в этой зоне имеет незначительные различия, от него отличается лишь язык мишарей. В процессе многовекового взаимовлияния контактирующих языков на территории зоны сформировались местные диалектные говоры, вобравшие в себя некоторые их особенности. Многие лексические и фонетические формы башкирского языка бытуют параллельно с татарскими, некоторые выступают монополюсно.

Сообщение С. Н. Чернявской (Киев) было посвящено чешскому населению Украины, которое сформировалось в результате миграций из Чехии и Моравии в середине 60-х годов XIX в. В настоящее время в силу объективных причин чешское население Украины подвержено естественной ассимиляции. В 1930-е и последующие годы имела место и насильственная ассимиляция. Современное поколение чехов на Украине владеет родным языком только на уровне бытового

общения, широкое распространение получило у них трехязычие. Несмотря на частичную утерю национальных традиций, у украинских чехов чрезвычайно развиты этническое самосознание и стремление сохранить самоназвание.

Н. Ф. Беляева (Саранск) выступила с сообщением «Этнические процессы у мордвы Заволжья», в котором показала, что дисперсное расселение в условиях иноэтничной культурно-языковой среды способствовало выработке специфических особенностей в языке и культуре мордвы Заволжья. Этнические взаимодействия у заволжской мордвы с представителями других национальностей протекают более интенсивно, чем в Мордовской АССР, следствием чего являются переход молодого поколения на русский язык и изменения в этническом самосознании. В то же время наблюдается устойчивая приверженность к традиционно-бытовой культуре: мордва-эрзя Заволжья сохранила традиционную культуру лучше, чем эрзя Мордовской АССР.

С. М. Исхакова и Ф. А. Валеев (Казань) в сообщении «Этнокультурные связи сибирских татар с башкирами» затронули тему этнолингвистических и других контактов сибирских татар и башкир. Были приведены примеры заимствований в области языка и материальной культуры сибирскими татарами у башкир. По мнению авторов доклада, язык сибирских татар — самостоятельный и самобытный.

Сообщение Л. С. Христолюбовой и Т. Г. Миннихметовой (Ижевск) было посвящено удмуртскому населению БАССР. В нем отмечалось, что полиэтничное окружение, обособленность и отдаленность от основного этнического массива оказали свое влияние на удмуртов-переселенцев. Тюркоязычное влияние испытали на себе их язык, материальная и духовная культура. Вместе с тем для удмуртов Башкирии характерно устойчивое сохранение архаичных элементов в семейной обрядности, а также этнического самосознания. У них растет тяга к профессиональной удмуртской культуре и расширению связей с удмуртами, живущими на основной этнической территории.

В. П. Иванов (Чебоксары), характеризуя основные тенденции в этническом самосознании этнолокальных групп чувашей, подчеркнул, что чуваши, проживающие за пределами Чувашской АССР, испытывают сильное влияние со стороны окружающих их народов, прежде всего русских, а также татар и башкир. Это влияние проявляется не только в быту, но и в языке, фольклоре, народном искусстве, а также в этническом самосознании. Однако, даже проживая продолжительное время в отрыве от своей исторической родины, чуваши устойчиво сохраняют некоторые элементы традиционной (особенно обрядовой) культуры, в какой-то степени уже утраченные коренным населением Чувашии. Комплексное воздействие всех этих историко-культурных факторов как раз и придает этническому самосознанию этнолокальных групп чувашей некоторое своеобразие. Докладчик обратил также внимание на то, что в Башкирии и других регионах с конца 1970-х годов наблюдается рост самосознания чувашского населения, особенно среди молодежи.

А. И. Кузнецов (Москва) поднял проблему классификации этнических общностей. По мнению выступающего, существуют лишь два типа этнических общностей — *племя* для доклассового и *народ* (*этнос*) для классового общества, различающихся содержанием этнического самосознания: индивидуально-групповое в племени и индивидуальное (личностное) у представителей этноса. А распространенное в этнографической литературе выделение «народностей» и «наций» в классовом обществе объясняется неявным отождествлением этнической общности (народа) с обществами различных общественно-экономических формаций. Народы характеризуются общностью этнического самосознания, языка и культуры, и в этом смысле они равнозначны, равноценны. Различаются лишь созданные ими рабовладельческие, феодальные, капиталистические, социалистические общества, так же как и в рамках одной формации общества различаются уровнем своего развития (подробнее см. А. И. Кузнецов. О соотношении понятий «общество» и «этническая общность» // Сов. этнография. 1989. № 4. — ред.). А. И. Кузнецов сообщил также о подготовке к изданию серии «Народы Советского Союза».

А. А. Камалов (Уфа) в сообщении «Реликтовые языковые особенности северо-западных башкир по данным ономастики» отметил, что северо-западные башкиры длительное время испытывали культурно-языковое влияние татар, из-за чего утратили свои исконные языковые черты. Некоторые диалектные особенности языка северо-западных башкир консервировались и обнаруживаются на всех его уровнях (в фонетике, морфологии и лексике), а также в этнонимии и топонимии.

С сообщениями по различным проблемам этнического и культурно-языкового развития башкирского народа выступили научные сотрудники Института истории, языка и литературы БНЦ УрО АН СССР Н. В. Бикбулатов, Р. З. Шакуров, Р. Х. Халикова, Ф. А. Надришина, У. Ф. Надергулов.

В дискуссиях по докладам и сообщениям приняли участие Г. Х. Умурзаков, А. Халим, Д. М. Исхаков, А. И. Кузнецов, Л. Ф. Моногарова, И. А. Заатов, Ф. Хисаметдинова, С. А. Еникеев, Н. Х. Максютлова, Р. З. Шакуров, А. Д. Коростелев, И. С. Гурвич, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев.

На конференции была принята резолюция, в которой подчеркивается необходимость расширения исследований, направленных на выявление закономерностей функционирования и культурного развития этнических и этнографических групп в СССР, накопление новых знаний о подразделении этноса. Участники конференции поддержали предложенные в проекте платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» меры по развитию суверенитета союзных республик, повышению роли и правового статуса автономных образований, созданию благоприятных условий для развития национальных культур и языков. Вместе с тем они отметили, что сохранение различных типов национально-государственных образований оставляет в силе

сложившееся фактическое политическое неравенство народов. Участники конференции обратились к руководству Института этнографии АН СССР с просьбой осуществить совместно с научными силами республик и областей, статистическими и картографическими учреждениями подготовку этнодемографического атласа СССР, а также провести всесоюзную научную сессию по затронутым на конференции проблемам.

С. А. Ковязин

© 1990 г.

**УЧЕНЫЙ СОВЕТ
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ТОКАРЕВА**

29 декабря 1989 г. исполнилось 90 лет со дня рождения одного из крупнейших этнографов нашей страны Сергея Александровича Токарева, стоявшего у истоков создания Института этнографии АН СССР и в разное время возглавлявшего в нем четыре сектора — этнографии народов Австралии и Океании, восточных славян, народов Зарубежной Европы, Америки. В течение многих лет С. А. Токарев стоял во главе кафедры этнографии МГУ, и многие советские этнографы по праву могут считать себя его учениками. Это касается не только специалистов старшего поколения, но и молодежи, которая овладевала основами этнографических знаний по учебным пособиям Токарева. Он — автор многих трудов, ставших настольными книгами современных исследователей. Среди них такие, как «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры» (М., 1958), «Происхождение религии» (Ереван, 1960), «Очерки по этнографии народов СССР» (М., 1962), «Ранние формы религии и их развитие» (М., 1964), «История русской этнографии (дооктябрьский период)» (М., 1966), «История зарубежной этнографии» (М., 1978), «Религия в истории народов мира» (М., 1964, 1965, 1978, 1986).

90-летию С. А. Токарева был посвящен Ученый совет Института этнографии АН СССР, проведенный 26 декабря 1989 г.

С вступительным «Словом о С. А. Токареве» выступил академик В. П. Алексеев, подчеркнувший, что в кратком сообщении совершенно немислимо сколько-нибудь полно охарактеризовать грандиозную научную деятельность С. А. Токарева. Поэтому В. П. Алексеев остановился на трех моментах, которые кажутся ему наиболее важными.

Исключительная широта и масштабность этнографического видения. С самого начала своей работы С. А. Токарев обратил на себя внимание одинаково глубокими и интересными работами в двух достаточно далеких одна от другой областях этнографии — культуре народов Океании и сибиреведении. Сначала это рассматривалось как малооправданный разброс научных интересов, но затем по мере движения времени стало органической чертой токаревского творчества, охватывающего всю ойкумену за исключением, может быть, только Африки. Сергей Александрович часто говорил, что не знает африканского материала. В списке его работ действительно нет исследований, специально посвященных этнографии Африки. Но он включал африканские народы в свои университетские лекции, давал консультации аспирантам и студентам, т. е. с точки зрения стандартной оценки знаний имел об африканской этнографии достаточно глубокое и точное представление: просто, по мнению самого Токарева, это было, по-видимому, недостаточным для того, чтобы профессионально разрабатывать африканскую этнографию. И нельзя не подчеркнуть особо, что во всех изучавшихся С. А. Токаревым областях этнографии и сравнительного культуроведения ему принадлежат не отдельные, пусть даже крупные статьи, а обширные монографии, включающие необъятную литературу и громадное богатство фактических данных. Таков написанный Токаревым почти единолично том о народах Австралии и Океании в серии «Народы мира», таковы серии книг по истории религии и истории этнографической науки, труды по истории народов Сибири.

Впечатляющее разнообразие методических подходов. В настоящее время практически во всех областях научного знания превалирует идея о необходимости разработки единой методики в подходе к тому кругу фактов, которые изучаются той или иной наукой. В принципе подобные тенденции, вероятно, справедливы. Однако совершенно очевидно, что ограничение методических приемов в тех областях знания, которые не могут считаться строго формализованными, а этнография относится именно к таким областям знания, не приводит ни к чему кроме потери научной информации. В. П. Алексеев отметил, что С. А. Токарев никогда не высказывался в пользу разнообразия методов, но блестяще демонстрировал его в своей исследовательской деятельности: книга об общественном строе якутов в XVII—XVIII вв. — скрупулезнейшая обработка архивных материалов; пионерские статьи о социальном строе народов Меланезии — умелое сопоставление и интерпретация данных, извлеченных из литературы; обширная статья о происхож-